

Н. В. Писарь

**ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА С СЕМАНТИКОЙ «БЛАГОЙ/ДОБРЫЙ»
КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «БОГ»
В ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТАХ XI – XIV ВЕКОВ**

На материале древнерусских текстов XI – XIV вв. рассматриваются оценочные лексемы с семантикой «благой/добрый», репрезентирующие концепт «бог»; анализируются семантические особенности функционирования данных лексем.

Evaluative lexemes with the “good/kind” semantics representing the concept of “god” are considered on the basis of Old Russian texts of the 11th – 14th centuries. The author analyses the semantic features of the functioning of these lexemes.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, аксиология, этика, оценка, Бог, благо, добро, древнерусский текст.

Key words: cognitive linguistics, concept, axiology, ethics, estimation, God, good, Old Russian text.

Значительный интерес к запечатленным в языке особенностям мировоззрения этноса является характерной чертой современного языкознания, в связи с чем в отечественной науке широкое развитие получает направление когнитивной лингвистики, изучающее «ментальные репрезентации языкового знания» [4, с. 23], хранящиеся в виде особых

мыслительных единиц — концептов. Важная особенность концепта заключается в том, что в нем фиксируются как сведения, полученные вне связи с окружающим миром, так и персональный опыт человека, а значит, в формировании концепта немаловажную роль играет оценочный компонент, поскольку, «выступая в качестве средства познания внешней реальности, оценка формируется не только в эмотивной сфере, но и в концептуальных структурах понятийного аппарата человека» [8, с. 142]. Соответственно, изучение специфики функционирования оценочной лексики способствует выявлению особенностей восприятия этносом окружающей действительности.

В.В. Колесов правомерно называет в качестве основной черты русского народа «его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, следовательно, такого добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божиим» [7, с. 229]. Стало быть, для русского менталитета наиболее значимой нравственной категорией, формирующей аксиологическую систему народа, является Благо, Добро — «ценностное представление, выражающее положительное значение чего-либо в его отношении к некоему стандарту или сам этот стандарт» [2, с. 675], поэтому каждый объект окружающей действительности оценивается русским человеком прежде всего с позиции принадлежности или непринадлежности к хорошему, Благу, Добру.

В плане вышесказанного особый интерес представляет исследование оценочной лексики с семантикой «благой/добрый» в древнерусских текстах XI — XIV вв., поскольку, как отмечает О.В. Хабарова, «именно в концептосфере рассматриваемого периода формируются фундаментальные ценностные категории, отражающие самобытность мировоззренческой системы древнерусского человека и в дальнейшем повлиявшие на духовное становление нации в целом» [10, с. 10]. Изменения в мировоззрении восточного славянства в период с XI по XIV в. непосредственно связаны с тем, что в качестве религии новой ценностной ориентации в Древней Руси начинает выступать христианство — вероучение, основанное на осмыслении Бога как абсолютного Добра. Именно поэтому, как указывает Н.С. Ковалев, главным смыслообразующим звеном древнерусских текстов является теистическая оценка (т.е. «исходящая от Бога»), строящаяся на базе таких понятий, как «добро» и «зло», и в основе этой оценки лежит представление о том, что все положительное, идеальное соотносится с Богом, а все отрицательное — с Дьяволом [6, с. 16].

Бог, по мнению Н.О. Лосского, «открывается в религиозном опыте не только как абсолютная полнота бытия, но еще и как высшая абсолютно совершенная ценность, как само Добро во всех смыслах этого слова» [9, с. 50]. Соответствующее представление о Боге в древнерусских текстах реализуется прежде всего посредством лексем **благо** «добро, хорошо», **добро** «все положительное, хорошее (противопол. зло); то, что хорошо, полезно, приятно» (СлДРЯ XI — XIV вв., Сл. Срезневского). Ср.: «**вѣ** **всего** **блага** **испълненъ**» (Изб. 1076); «**Добро** **во** **от** **Бога**» (Лак. посл. Дм.).

Тесная соотношенность понятия «благо/добро» с концептом «бог» обуславливает и появление при репрезентации данного концепта таких оценочных лексем, этимологически связанных с основными лексе-

мами-репрезентаторами, как **благын** (**благини, благои**) «хороший, добрый», и **добрын** «добрый (противоп. злой), близкий, преданный» (СлДРЯ XI – XIV вв.). Данные лексемы выступают в качестве эквивалентов древнегреческой лексемы $\acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\acute{\omicron}\varsigma$ «хороший, добрый, милосердный» (Сл. Вейсмана), что свидетельствует об их тесной смысловой близости, несмотря на то, что с точки зрения этимологии рассматриваемые лексемы не имеют родственной связи. Так, слово **добрын** восходит к индоевр. *dhabh- «соответствующий, подходящий» и родственно лат. faber «ремесленник, художник», а **благын** (**благини, благои**) является церковнославянским заимствованием вместо исконно русского *бологъ «благо, хорошо», родственного авест. bæraēuša «желанный, дорогой, ценный» и др.-инд. bṛhaspátih «господин молитвы, господь» (Сл. Преображенского, Сл. Фасмера, Сл. Шанского). Ср.: «его же прошенья не лиши его **благий Богъ**» (ПВЛ); «зъ**лаго** во изволени **благын бѣ оцѣ** вытти кстьства не имать» (Изб. 1073); «**вѣзносите, Христа, прѣблагаго Господа, и томү кланяйтесе**» (Сл. воздв. Кр.); «**пороүчи бѣу: доброүоүмү влюстелю**» (Изб. 1076); **моли са владыцѣ бѣу доброүоүмоү хытрыцѣ**» (Изб. 1076); «**Сами же прекраснаго владыки и предовраго, Бога вѣгающе**» (Из Иуд. в.).

По мнению В. В. Колесова, поддерживаемому другими исследователями, «лексемы **добрын** и **благын** противопоставлены стилистически, о чем свидетельствуют древнерусские тексты» [1, с. 8]. Ср., с одной стороны, «**добрын трюдѣ, добла жена**» (Изб. 1076), с другой, — «**благын гѣ**» (ПВЛ), что отражается в закреплении лексемы **благын** за выражением духовного, небесного, божественного, а лексемы **добрын** — за выражением земного, вещественного, человеческого проявления жизни. Сходной позиции придерживается и Г. И. Берестнев, утверждая, что прилагательное **добрѣ** «характеризует предмет с точки зрения его качественности, добротности, бытовой функциональности», причем даже тогда, когда предмет служит «для выражения идей, наполненных духовным содержанием», а прилагательное **благѣ** всегда указывает на причастность объекта к небесной сфере [3, с. 105]. В целом с этим постулатом соглашаются и другие исследователи, например Р. В. Алимпиева, указывающая, однако, что по отношению к лексеме **добрын** не следует оценивать данный стилистический нюанс столь категорично, поскольку в древнерусских текстах наряду с такой противопоставленностью наличествуют и многочисленные примеры семантического параллелизма **благын** и **добрын**, проявляющегося в их употреблении в соотнесенности с реалиями, связанными с миром высокой духовности (ср., напр., реализации данных лексем в тексте Успенского сборника: **пастоүхѣ добрын** и **благын**; **благое дѣло** — **доброе дѣло**; **благын поүть** — **добрын поүть** и т. п.) [1, с. 8]. Сходное мнение высказывает и Л. П. Дронова, считающая, что «различие в семантике сходных по значению лексем **добрын** и **благои** оказывается различием в сфере реализации оценки». Если **благо, благои** «прежде всего соотнесено с этической оценкой, “однороднее” в оценочном отношении», то **добро, добрын** «реализует более широкий спектр оценок», поскольку, являясь «древним праславянским общеоценочным средством», используется в качестве языкового выражения как

сущностного атрибута Бога, так и того хорошего, что соотносится с человеком [5, с. 69].

При содержательном противопоставлении лексем **благын** и **добрын** представляет интерес и то, что лексема **благын** в сравнении с **добрын** является наиболее частотной при характеристике сущности Бога. В связи с этим высокая частотность употребления лексемы **благын** ведет за собой и большее количество ее дериватов. Так, в памятниках древнерусской письменности в соотнесенности с концептом «бог» из лексем с корнем *добр-*, помимо **добро**, **добрын**, функционирует только лексема **доброта**, имеющая в своей семантике значение «красота, совершенство, превосходство, достоинство» (Сл. Срезневского, Сл. Вейсмана). Ср., например, «...влиз во Господь всѣх боящихся его, хотѣнне их исполнить и молитву их услышитъ; се красен добротою паче сын челоувѣческ» (Сл. и п. К. Тур.). В то же время среди лексем с корнем *благ-*, помимо **благо** и **благын**, в качестве лексем, характеризующих субстанцию «Бог», употребляются также **благословенъ** (краткое причастие, производное от глагола **благословити** — кальки с греч. εὐλογεῖν и лат. benedicere «благодарить, восхвалять»), **благонсправляющъ**, т.е. «исправляющий, улучшающий», и **благодѣющин / благодѣавшин** — причастия от глагола **благодѣяти**, т.е. «благодетельствовать, делать добро» (Сл. Срезневского, СлДРЯ XI — XIV вв., Сл. Фасмера, Сл. Вейсмана). Ср.: «Благословенъ Богъ о всемъ» (ПВЛ); «сѣвршенне же глаголѣ ми укажетъся благонсправляющю Богу и словослову» (Жит. Феод. Печ.); «и послѣдъ, егда благодѣавшю Богу, отдамы дългъ от Бога» (Жит. Феод. Печ.); «Глава Богу, благодѣющему мнѣ» (Девг. деян.).

Лексемы с корнем *благ-* обнаруживают теснейшую связь и с другими лексемами, выступающими в древнерусских текстах как их контекстуальные синонимы. Таковы прежде всего лексем **милостивын** и **милосръднын**, имеющие значение «милосердный, сострадательный» (Сл. Срезневского) Ср.: «призрѣ на нь всемилостивое око благааго Бога» (Сл. о З. и Б.); «Азъ, брате, вѣру ими ми, яко нѣсмь почилъ, о тебе моляся благому Богу. Нъ не вѣмъ, чьто мыслить милосръдый Богъ сътворити» (Чуд. Ник. Мирл.).

Непосредственную семантическую близость с вышеуказанными лексемами имеют также лексем **щедрын**, т.е. «милосердный», и (**длго**)**трьпѣливын**, т.е. «исполненный терпения» (СлДРЯ XI — XIV вв., Сл. Срезневского). Ср.: «щедр во есть и милостив Господь» (Сл. и п. К. Тур.); «Глава ти, прещедрый живодавче яко сподови мя трѣда святыныхъ мученикъ!» (Ск. о Б. и Гл.); «И обратитѣ са къ гоу боу вашѣмоу. яко милостивъ ксть и штедръ: длготърпѣливъ» (Изб. 1076); «длготърпѣливе вѣ и многомлстве, помилуи ма» (Мин. 1097); «Многомилостиве и трьпѣливе о веззаконнихъ нашихъ Господи!» (Хожд. иг. Дан.).

Таким образом, в древнерусских текстах XI—XIV вв. в соотнесенности с концептом «бог» получает отраженность лексико-семантическая парадигма оценочных лексем с общим значением «хороший/благой», репрезентирующая оценку Бога как абсолютного Блага, распространяющего Добро на все человечество. В центре данной парадигмы находятся лексем **благо/добро**, создающие поле с этимологически связан-

ными с ними лексемами **благын, добрын, доброта, благословенъ, благодѣющн, благоисправляющъ**. Как компоненты рассмотренной парадигмы выступают лексемы **милостивын, милосръднын, щедрын, (длѣго)трьпѣливын**, также имеющие в своей семантике оценку «благой, добрый» и в ряде случаев выступающие как контекстуальные синонимы лексем с корнем *благ-*.

Список сокращений

- Девг. деян. — Девгениево деяние [11, т. 2].
Жит. Феод. Печ. — Житие Феодосия Печерского [11, т. 2].
Из Иуд. в. — Из «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия [11, т. 2].
Изб. 1073 — *Изборник* 1073 года. М., 1983.
Изб. 1076 — *Изборник* 1076 года. М., 1965.
Иак. посл. Дм. — Слово к Божию слуге великому князю Дмитрию (Изяславу) черноризца Иакова [14].
Мин. 1097. — Службная минея за ноябрь 1097 г. [14].
ПВЛ — Повесть временных лет [11, т. 1].
Ск. о Б. и Гл. — Сказание о Борисе и Глебе [11, т. 1].
Сл. и п. К. Тур. — Слова и поучения Кирилла Туровского [11, т. 4].
Сл. о З. и Б. — Слово о Законе и Благодати митрополита Иллариона [11, т. 1].
СлДРЯ XI — XIV вв. — *Словарь* древнерусского языка (XI — XIV вв.): в 10 т. М., 1988 — 2008.
Сл. Вейсмана — *Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь. СПб., 1991.
Сл. воздв. Кр. — Служба воздвижению Креста Никиты Маюмского [11, т. 2].
Сл. Преображенского — *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка: в 2 т. М., 2010.
Сл. Срезневского — *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. М., 1989.
Сл. Фасмера — *Фасмер М.Р.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1964 — 1975.
Сл. Шанского — *Шанский Н.М.* Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1982.
Хожд. иг. Дан. — Хождение игумена Даниила [11, т. 4].
Чуд. Ник. Мирл. — Чудеса Николы Мирликийского [11, т. 4].

Список литературы

1. *Алиптиева Р.В.* О концептуальном пространстве «добро» — «зло» в древнерусском языке XI — XIV вв. // Семантика языковых единиц в диахронии: сб. науч. тр. Калининград, 2001.
2. *Апресян Р.Г.* Добро // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2000. Т. 1.
3. *Берестнев Г.И.* Иконичность добра и зла // Вопросы языкознания. 1999. №4.
4. *Демьянков В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. №4.
5. *Дронова Л.П.* История становления общеоценочной лексики русского языка: семантика положительной оценки // Дронова Л.П., Ермоленкина Л.И., Катунин Д.А. и др. Картины русского мира: аксиология в языке и тексте. Томск, 2005.
6. *Ковалев Н.С.* Древнерусский текст: проблемы исследования смысловой структуры и эволюции в аспекте категории оценки. Волгоград, 1997.
7. *Колесов В.В.* История русского языка в рассказах. СПб., 2007.
8. *Колишанский Г.В.* Соотношение объективных и субъективных факторов в языке. М., 1975.

9. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: основы этики. М., 1991.

10. Хабарова О.В. Триединство «Добро – Истина – Красота» как ядерный компонент концептуального пространства «Прекрасное» в древнерусских текстах XI – XIV вв.: дис. ...канд. филол. наук. Калининград, 2006.

11. Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева [и др.]. СПб., 1997 – 1999. Т. 1, 2, 4.

Об авторе

Надежда Владимировна Писарь – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, e-mail: nadezdapisar@mail.ru

About author

Nadezhda V. Pisar – PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, e-mail: nadezdapisar@mail.ru